Максим ЕРШОВ

Волчьи струны

Реплика о новой книге Дмитрия Быкова

Дмитрий Львович Быков — известный стране и эпохе писатель и человек. В хорошем смысле слова — почти пароход. И ещё Дмитрий Львович Быков — поэт, благодаря которому новый год российской литературы открылся самой настоящей книгой стихотворений. Изданная где-то в самом эпицентре ("Эксмо", 2021) книга "Ничья 20:20" самой своей блестящей осязаемостью отсылает к триумфальным для поэзии советским десятилетиям, и даёт некоторую уверенность, что ничего ещё не окончено. Что подснежники шестидесятничества не увяли, что возможны и мысль, и строка, и пророчество, и вызов:

То-то Бог меня и терпит —
за стремление вовне,
За побег, за привкус терпкий
в виноградном вине.
Огневой его этил,
в пику прихвостням,
Я слегка обогатил этим привкусом.

Чувствуется, да, высокий настрой и полная отдача делу, виртуозность овладения местными особенностями метрики? Пожалуй, самый яркий Быков-поэт предстаёт нам в лиро-философских медитациях. Пусть и здесь не обходится без прямолинейной отсылки к поэтам близкого круга, поэтам определённых образа жизни и судьбы, но и Вознесенский, и Бродский, и, скажем, Левитанский — это те величины, прямое подключение к которым не подмочит ни сахара, ни пороха. Бывают прозрачные минуты, когда Дмитрий Быков человечески аутентичен:

…Низвергнутая статуя в снегу,
Росток ползучий,
льнущий к перегною, –
Вот всё, что с миром сделать я могу,
И всё, что может
сделать он со мною.
Скажи, ты смотришь на свои следы?
Или никак, как написал бы Павел?
Что ты меня оставил — полбеды.
Но для чего ты здесь меня оставил?
Зачем среди расползшихся дорог
Нетвёрдою, скользящею походкой.
Блуждаю, полузверь и полубог,
Несчастный след любви
твоей короткой?
Твой облик искажён моей виной,
Гримасой страха, судорогой блуда.
Зачем я тут? Что сделали со мной?
Мне плохо здесь,
возьми меня отсюда.

Поэтом хорошо усвоена и тема, и поза, и венок, и венец. И необходимые глубины историософии — всё вот это, без чего не обходится (да и не может обойтись) поэтическая глубокомысленность. Другой вопрос, что именно для Быкова это всё-таки игра. Он не может не ощущать своей вторичности, а потому просто играет со всем этим, во всё это — по-тютчевски, по-православному — серьёзно-углублённое. С одной стороны — назвался поэтом, так полезай, с другой стороны — всегда можно рассмеяться и указать на год, на век, на календарь.

Нельзя отрицать и необходимо от души приветствовать настоящие "форматные" поэтические произведения Дмитрия Быкова, список которых довольно распространён во времени и пространстве. Особенно плотно они заселяют раздел "Стихи разных лет" — где, вероятно, мы и можем встретить вершины Быкова — именно поэта, а не партийного газетного рифмача-щелкопёра.

Да, именно здесь мы и слышим предел литургической машины поэта, которой всё ж таки не хватает иногда объёма лёгких именно в том, чтоб создать всю ту или иную балладу монолитной (так, с замыслом мощности, выталкивает на свет Божий остывающую стальную болванку какой-нибудь прокатный стан). Но зато всё в полном порядке с внешней формой, с рифмовкой, с *печалью о среде*, вечно недостойной избранных своих, вечно косной и неумелой…

Да-с, рифмует Быков — загляденье. Безоглядному же поэтическому парению выше облаков эпохи мешает у него априорная рациональность публицистического задания. Орлу приходится взирать под облака вниз и искать на суглинистых почвах милой Родины всё, что можно поставить ей, несчастной, на вид.

Поэтому (скажем наконец об этом) от Дмитрия Львовича судьба не требует большего, чем версификация. Безукоризненное владение техниками и манерами должно служить и служит одной "благородной" цели: издевательству над Родиной её же средствами. Поэтому:

…В глубокой дыре,
на краю Ойкумены,
Под окнами цвета лежалого льда,
Под небом оттенка дырявой рогожи,
Попробуем снова. Играй, что всегда:
Всё тише, всё глуше,
всё строже — всё то же.

И играют. Играет — всё резче и навязчивей, всё разнузданней и исступлённей — целый "симфонический оркестр" всех родов слова, звука, изображения односторонне-издевательских "экспертных" оценок. Задачи у оркестра геополитические (но и экономические, конечно). И своя скрипочка здесь у Дмитрия Львовича. Взгляните на несколько его аккордов-соло:

Если смотреть на Россию снаружи –
Трудно придумать чего-нибудь хуже.
Так что смотри на неё изнутри –
Или, пожалуй, совсем не смотри.

Вот более глубокий аккорд, с подмигиванием понимающей публике и далеко манящей поволокой во взгляде скрипача:

Скорее вписать
в Конституцию Бога!
Сгущается в воздухе китежский звон.
Мы чувствуем все
приближенье итога,
И в этом итоге окажется Он.
И вот, когда лопнет
терпенье Вселенной,
И всё это рухнет,
как ржавая жесть, –
Останется вывод
простой и надменный:
Вы думали, нету, — а Он таки есть.

Отнюдь не простоту можете вы обнаружить в этом высказывании. Но надменность поистине венецианскую…

Вот ещё всё то, чему не откажешь в определённой точности, в определённой даже нужности, хотя опять однобокой:

Разумеется, русское чудо —
В торжестве ненасытных клещей
И в победе словесного блуда
Над любым положеньем вещей…

Тут всё настолько лапидарно, что лучше и желать нельзя. Но сразу же далее:

…Так что как ни ворчат привереды,
Но в июне своё торжество
Мы отметим парадом Победы
И сплошным обнуленьем всего…

И думается мне, что Дмитрий Быков достаточно умён и опытен — он понимает, что конкретная практика управления такой страной как Россия (в силу массы объективнейших причин) всегда непохожа на парадайз… Понимает, что многие наши неприятные моменты есть *данность*, условности — *необходимость*. Однако он *должен*, несмотря ни на что, вести себя *профессионально*, т.е. сугубо издевательски, делая вид, что Россия и объективность, Россия и истина, Россия и элементарные факты — это всегда параллельные, которым сходиться не положено…

(Правда, есть замечательное исключение из правила — посвящённое Белоруссии стихотворение "Увещевание":

Милые братья мои белорусские!
В воздухе пахнет восстанием масс.
Сколько уж лет
вы терпели без устали –
Видимо, можно замучить и вас…

…Мертвое дело.
Не стоит и пробовать.
Врос, полагаю, за тридцать-то лет.
Вам же придется
все это расхлёбывать,
А привлекательных выходов нет…

…Верьте же свойскости —
подлинной истине,
Плоской, нагой, как сухая стерня.
(Страшно задуматься:
это я искренне?
Видимо, искренне. Тьфу на меня.)
Так что признайте:
не стоит и пробовать.
Всюду рисуется страшная месть.
Если б вы жили
действительно впроголодь…
Но ведь не впроголодь?
Что-то же есть?

Быков ведёт в своей книге летопись года — года, который во многих смыслах стал, по-видимому, кульминацией и для страны и для мира в целом. Быкову удаётся и летопись, и критика, похожая и на правду, и на насмешку — одновременно. И за многая правду — спасибо. А вот многая насмешка мне всё-таки неприятна, и это чувство толкает к возражению.

Можно забыть и не помнить, сколько вы и такие как вы причинили "этой стране" за ваш долгий век вреда и убытка. Точнее, при вашей образованности и осведомлённости можно делать вид, что не помнишь, что забыл, что не было этого ничего. Можно всем договориться и делать вид, что Россия сама такая, неустроенная да непутёвая, сама свои таланты и богатства в землю зарыла. Но если всё-таки иметь представление о том, что такое совесть, то нельзя ведь не признать: ваша гомерическая критика равна насмешке над плохо одетым человеком, которому вы сами изрезали его последний костюм… И каким же нравственным качеством обладают высказывания из буржуазных квартир в пределах Садового или из ресторана, когда последняя салфетка небрежно брошена на стол, подобные этому:

Любимой Родины черты –
В распутье,
в дачной ли платформе…
Но жизнь ли это? — спросишь ты.
Возможно, смерть.
Но в лёгкой форме.

Или, когда уже подан автомобиль, который повезёт вас на встречу в кругу своих, где можно прочесть на камеру:

Народ-созидатель, народ-судия
Ушёл на невидимый план бытия:
Осталось какое-то стадо,
И стал осторожно подумывать я,
Что так ему, в общем, и надо.

Если двухвековая либеральная российская интеллигенция задумалась вдруг о народе — жди очередного глобального грабежа и разрухи, жди окончательного поражения и гибели. Это я могу "осторожно" и даже вполне неосторожно говорить о народе, что "так ему, в общем, и надо" (потому что, да, правды в этих словах много), но никак не вы, делавшие всегда и сделавшие всё для того, чтобы "осталось какое-то стадо". Я, провинциал, кто в юном возрасте видел погром своей Родины в годы *вашего* триумфа, и кто теперь знает, сколько исторической объективности кроется за словами "страдальца" за народ Дмитрия Быкова:

Мне взгляд на тебя
непривычен такой –
Не Каин же я и не Демон!
Но сам ты и сделался подлой толпой,
Озлобленной в меру и в меру тупой:
Никто тебя ею не делал!

Нет, конечно. Никто не делал. Все вы жизнь положили ради просвещения народного, а вовсе не занимались травлей любого здравого начинания в области образования и культуры…

Поэтому можно повторить вопрос: господа оркестр, каков ваш вклад во всё российское неустройство (материальное и духовное), какова ваша в нём действительная роль? Даже истёртая маска вашей коллективной, вашей профессиональной, вашей захлёбывающейся в самолюбовании иронии давно не прикрывает всех фактов. Впрочем, с кем и о чём я говорю? Одна из высокооплачиваемых в РФ профессий — производитель русофобских миазмов. И это двухсотлетнее положение вещей само по себе, при должном размышлении, может объяснять (и оправдывать) многое — и в поведении власти, и в поведении творцов…

И всё же зловещими выглядят теперешние грёзы поэта, замаскированные под "безысходность". Вот Дмитрий Львович вспоминает благословенные времена накануне перестроечной "Пасхи", которая только и могла (и могла бы снова) даровать высокое счастье:

Тот век надтреснутый, чугунный
Я б ни на что не променял.
Кто, юный, жил в стране канунной,
Тот славно Блока понимал.
Тот помнит облик безобразный
Весны, в которой вырос я,
Необязательный и праздный
Дух пробужденья и гнилья,
И ту беспомощную дерзость,
И понимания клеймо,
Что ничего не можешь сделать –
Всё будет делаться само.
Тот узнаёт и в этой ранней
Весне, фальшивой и пустой,
Дух бесполезных обещаний,
Любви безвыходной настой…

И неважно, что мир за сорок лет (во многом именно благодаря демонтажу СССР) дошёл до той точки, когда уже *никакая общечеловеческая* "весна" невозможна. Быков понимает это — не может не понимать-то со всем своим умом! Но ему важнее, что долгожданные танцы могут получиться только на долгожданных руинах России.

Землетрясение же, по непонятным причинам, задерживается — хоть твердит и воет о нём сегодня вся прогрессивная общественность, исполненная сладких предчувствий…

Или правда — может глупые они? Неужели не видят, что Россия именно такова, каковой она предусмотрена? Неужели же не поняли ещё, что это их самих, псевдолибералов, забугорная власть уже списала во вторсырьё и если ещё держит за мясо, то так — в виде временного вспомогательного ополчения.

Особенного прорыва настроения Быкова (и всей прослоищи, которую поэт представляет) достигают в стихах "Памяти Славиной" и "Мёртвые языки".

Я рад бы замереть от злобы,
Но от бессильной злобы — нет.
Пусть эта злоба мною движет,
Одушевляет ум и речь,
Пусть оккупантам лица лижет,
Горит, покуда всё не выжжет,
Что Господу противно жечь.

Этот предельный, уже военный пафос, конечно, заставляет задуматься и оценить степень ярости и нетерпения. Вспомнишь и Бабеля с Багрицким, и Симонова со Стекловым…

Но инфернальнее всего (для туземного уха) стихотворение "Мёртвые языки". Стихотворение хорошее и страшное. Оно завершает книгу "Ничья", в которой ни о какой ничьей нет и речи. Но читать его надо всем самостоятельно — и внимательно читать, ибо речь идёт о языках — в лингвистическом и даже физическом смысле — наших с вами…

Ну и, коли речь у нас шла о поэтической книге, то не обойтись без метафор или аллегорий. Возьмём метафору *Организма* и *Бациллы*. Когда Организм здоров, то всякой его части — хоть косточке, хоть мышце, хоть всему иному — в Организме этом хорошо. Но это, повторим, если Организм здоров и весел. Штука в том, что здоровье и веселье одного Организма может не только мешать, но и делать прямо невозможным веселье и здоровье другого Организма. Это старая история, это собственно она, политическая история и есть. И относительно не так давно в сюжете геополитических отношений между Организмами-субъектами появился фигурант Бацилла. Да, после 2020 это пример особенно наглядный. И вот Бацилле в Организме хорошо только тогда, когда самому Организму нехорошо и невесело. Бывает, что Организм борется: эритроциты настраиваются на Бациллу, вяжут её, не дают танцевать. Тогда Бацилле в Организме плохо. Но чаще всего организм не умеет бороться с мощной Бациллой, или не хочет бороться, или не имеет права — потому что и не Организм он вовсе, а так — составные части, суповой набор, мозговые и безмозглые косточки. Речь тогда идёт не о собственно возможности Организма отстоять себя в неравной борьбе с Бациллой (и её хозяевами), а о границах проникновения Бациллы в Организм: до самых ли печёнок, до самого ли сердца, до большей ли части коры головного мозга? И когда распространение (дальнейшее) Бациллы Организм пытается всё-таки остановить, боясь уже как бы таки не помереть, тогда Бацилле опять становится плохо. Страх входит в нутро Бациллы: "Эвон что, — думает она, — этак и до эмиграции дойдёт! Надо сегодня, сейчас уже искать у Организма самые больные места, надо скорее бить по ним беспощадно!..". А места, друзья, и правда больные, и правда гниловатые места — не будь их, какая бы Бацилла к нам пристала? Можно даже хихикнуть: "исторические слабые и гниловатые места в российском Организме": потворство, лихоимство, косность, трусость, безалаберность — вот они, всегда тут, бей — не хочу…

И ещё одна метафора: *Волки* и *Костёр*. Чем ярче Костёр, тем дальше Волки, тем глуше их вой. Но вдруг происходит что-то неуловимое, начинают из Костра под ещё бодрый треск поленьев лететь мириадами красные искры, усиливается дым… И вовсе речь не идёт о пригревшемся и спящем вокруг Костра народе. Но Волки — Волки вдруг подбираются, Волки поднимают вой…

Костёр наш — это Газпром. Он могуч и ярок. Но и Волки никогда не воют зря. Они обломаются только в одном случае: если Костёр, Газпром — Кремль — научится *говорить* со своим народом, говорить не знаками и картинками, а… *как-то иначе*.

Всё это — и Ничьи, и Тупики, и Бациллы, и Костры, и Волки — мы уже проходили. И вот опять полетели искры, опять пошёл удушливый дым — уж в чём-чём, а в этом-то Дмитрий Львович Быков может оказаться прав. И для него это — обещание весны. Для меня — оттепели и пьянки перед окончательным историческим крушением организма России.

Если он вообще — ещё есть. Если и Кремль, и оппозиция, и НАТО, и хоть какая-нибудь осязаемая реальность в этом мире после 2020 ещё есть. Лично я в этом иногда сомневаюсь.

Но если всё-таки есть, то ничья — это ещё не конец игры, в которой предстоит решить, кто мы: Организм, имеющий свою телеологию и аксиологию, или Туша, имеющая перед собой разделочный стол вечно несытых мировых сообществ…

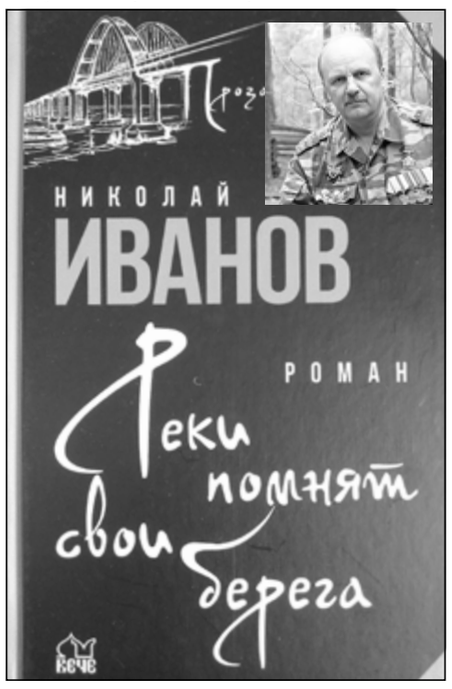
2021 г., Белгород

(Начало – стр. 1)

Берега и обереги

О прозе Николая Иванова

Но и тогда наша страна, несмотря ни на что, продолжала оставаться читающей и верящей в силу слова. Хотя уже к тому времени книги стали ассоциироваться с развалом, так и называли – «книжные развалы». И на эти книжные развалы хлынул поток псевдолитературы, всячески шельмовавшей советское прошлое, развращавшей народ… Явилось множество борзописцев, которые стали всячески очернять человека в погонах. Страна стремительно деградировала. И вот уже сообразили на троих в Беловежской



пуще, зачистив Советский Союз и даже не удосужась спросить мнения руководителей других национальных республик. Решили Ельцин-Кравчук-Шушкевич под диктовку Запада – СССР скорее мертв, чем жив. Позже к Белому Дому в Москве по приказу вечно похмельного верховного главнокомандующего вышли танки, чтобы прямой наводкой палить в Белый Дом. Полный раздрай наступил в стремительно нищавшей стране. Именно в это время знаком личного протеста против пушечной пальбы вместо решения политических проблем общества стал уход главного редактора военного журнала «Воин» Николая Иванова. Он подал рапорт и ушел в отставку, не желая участвовать в уничтожении России.

Кое-кто скажет, что не стоит вспоминать про лихие девяностые. Категорически не соглашусь. Если мы забываем прошлое, нам мстит будущее. Прошлое надо не только помнить, но и осмысливать. Именно этим знаменателен новый роман Николай Иванова «Реки помнят свои берега», первая публикация которого состоялась в 2020 году в октябрьском номере ведущего литературного журнала России «Наш современник». По итогам этой публикации Николай Иванов был отмечен премией журнала.

Новый роман Иванова, вышедший в самом начале 2021 году в издательстве «Вече», широк не только в смысле времени-эпохи, но и широкоохватен географически. Действие романа происходит и в Москве, и в Беловежской пуще, и в далекой Колумбии, и, конечно, на малой родине автора – на непокорной захватчикам всех времен многострадальной Брянской земле. Колорит Брянщины угадывается даже в самобытном просторечном говоре персонажей романа. События переломной эпохи конца XX века (о которых рассказывается в романе) самым серьезным образом повлияли на историю нашего государства на протяжении нескольких поколений, и на жизнь каждого человека, каждой семьи. Они подобны войне. Просто это была не открытая, пылающая *великая отечественная война*, а война подлая, война предателей, «шестерок» Запада, против России.

Историчность и автобиографичность – основа основ повествования. В главном герое романа, советском офицере, разведчике, сыне партизана времён Великой Отечественной войны Егоре Буерашине угадываешь автора, тоже военного человека, тоже связанного со спецподразделениями. По сюжету Буерашин является одним из охранников Ельцина. И в силу этого становится свидетелем подлого уничтожения Советского Союза в Беловежской Пуще. До последнего Буерашин не верит в происходящее и ожидает приказа арестовать преступных политиков. Как и много позже, он вдруг с изумлением откроет для себя удивительную вещь, что он спустя многие десятилетия наизусть помнит слова присяги, когда-то данные им Родине на заре его военной службы. Конечно, он не может себе простить, что ничего не смог сделать в ситуации уничтожения страны. Но понимает, что жизнь России и борьба за неё продолжаются. Честные офицеры и в других структурах, поддерживая друг друга, пытаются на своих местах противостоять уничтожителям страны. Остаться самим собой – русским человеком, русским офицером, помнить «русло» русской жизни, как реки помнят свое русло и свои берега…

Удивительно, но именно в эту эпоху страшных перемен Егор вдруг узнает свою родословную, поскольку в новой полувоенной структуре, куда его позвали бывшие сослуживцы, надо выяснять дотошно анкету будущего работника едва ли не до седьмого колена. Так Егор узнает, что среди его далеких предков был священник… Может, ничего удивительного в том и нет, что свои корни, свое прошлое человек узнает именно тогда, когда начинает серьезно задумываться о будущем?

Это просто люди, как реки, начинают возвращаться в свои берега. Главный герой возвращается на службу, а по сути он, потомственный защитник своей Родины, никогда и не уходил от чувства долга перед Родиной, которое есть суть его натуры: от себя-то не уйдешь. Это возвращение позволяет и нам надеяться, что страна наша вернется в свои традиционные берега. И нынешняя власть наша, берега попутавшая и потерявшая, обречена вернуться в нормальное русло. «Жаль только, жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе…» – как сказал бы поэт. Но речь не о нас с вами. Речь о наших потомках, и стране под названием Россия.

Новый роман Николая Иванова насыщен информацией для размышления, сопоставлений порой неожиданных. Думаю, многие читатели улыбнутся, прочитав в романе, написанном задолго до последних разоблачений дворцовых перипетий, про Геленджик, недавно печально прославившийся. Символично, что Геленджик во времена давние-давние тоже был прославлен и тоже не самым лучшим образом – работорговлей славянскими женщинами. В переводе Геленджик так и назывался в древние времена – «город белых невест». Мы узнаем из повествования многие исторические и военные детали и подробности, о которых ранее даже не подозревали. И хочется верить, что прочитав роман, мы задумаемся о том, что слова «берега» и «обереги» – не случайно однокоренные. На очередном непростом этапе истории задумаемся о вечной теме классической русской литературы – судьбе маленького человека. И снова, спасибо ему, русский писатель нас убедит, что маленького человека в России нет, ведь мы – потомки многих поколений воинов и победителей, живущие в огромной и великой, несмотря на все нынешние потрясения, стране.

** Экспертный Совет Национальной Премии «Лучшие книги и издательства года» признал лучшей книгой 2020 года роман Николая Иванова «Реки помнят свои берега», изданный «Вече».*

Эдуард АНАШКИН

Из корня одного, из чистой глуби сердца

Послесловие к поэме Виктора Петрова «Аввакум. Распря»

(Начало – стр. 1)

В сюжете пунктиром даны главные страницы мученического пути протопопа Аввакума и его сподвижников. Показаны с врачебной жестокой отчётливостью физические страдания главных героев и социальные коллизии. Но есть ещё один ракурс происходящего: Небесное участие в земных бедах и лишениях защитников старой веры.

Неразличимый в темноте ангел приносит Аввакуму в застенок ломоть хлеба и миску со щами. Епифаний, у которого дважды усекали язык и отрубили правую руку, рассказывает протопопу, как он мастерит кресты. Безъязыкий дьяк Фёдор спорит с Аввакумом. Это ли не абрис тихой Божьей помощи страстотерпцам в минуты горечи, тоски и бессилия…

Старообрядцы претерпели жесточайшие испытания, которые впору сравнить с долей православных священников в годы красного террора. Своим духовным подвигом, способностью пойти на любые жертвы за веру отцов они фактически сняли все книжные упрёки, предъявленные им сторонниками обновления церковного уклада. Русская Церковь притерпелась к навязанным ей правилам и приобрела с десятилетиями и веками внутреннее равновесие и непротиворечивость многих своих внутренних установок. Непререкаемый духовный авторитет русских святых уже после Раскола подтверждает принадлежность нашей Церкви Телу Христову и вчера, и в текущие дни.

Сегодня важно найти линии соприкосновения старой веры и нового обряда, приложить все силы для того, чтобы исторический шрам, оставшийся после давней трагедии, наконец, исчез. В поэме Епифаний обретает свой отрезанный язык по молитве – он растёт «…Из корня одного, из чистой глуби сердца. / Пощупай, разве чувствуется стык?».

Жанр поэтической драматургии в последние десятилетия утратил многие художественные достижения предшествующих эпох. Интонация героев сюжета все более стала походить на слегка измененную речь автора, а задача показать лица и потаенный облик персонажей как будто перестала интересовать нынешних стихотворцев. Однако такое положение вещей представляется временным, оно изменится, когда чужая судьба окажется для поэта куда интереснее собственной. Речь идет о возвращении в русскую литературу поэзии эпического начала. Это время уже не за горами – годы яростной либеральной атаки на все героическое в русской истории постепенно уходят в прошлое. Но и теперь мы можем соприкоснуться с высоким духовным порывом наших мучеников и подвижников в исторических полотнах лучших отечественных поэтов. Среди них – Виктор Петров и его творение о драме Раскола.

Вячеслав ЛЮТЫЙ